

Николай НИКИТИН

ПО ТИХОЙ ВЯТКЕ

* * *

Выйду с трассы на поле,
полной грудью вдохну,
с медоносных застолий
пчел случайно спугну.
Загудят недовольно:
лихо, мол, не буди.
Нет чтоб хлебом да солью,
но гудят: «Уходи».
А куда мне податься?
Я приехал домой
и готов обниматься
с каждой встречной пчелой.
Здесь, в восьми километрах
от большого села,
обдуваема ветром,
деревенька жила...
Ухожу. Не взыщите.
Деревеньки бывлой
я единственный житель,
кто сегодня живой.
Приходил поклониться.
Разве можно забыть?
Перелетною птицей
жизнь заставила быть.
Поле-полюшко, поле...
Вкус пыльцы на губах,
гул пчелиных застолий
да соринки в глазах.

* * *

Коль отлюбилось
и все отболело,
шапку ломать
пред тобою не стану.

Время залечит сердечную рану.
Станет обратно
все белое — белым,
черное — черным,
а кислое — кислым,
только лишь руки
устало повиснут.
Новая женщина ложе разделит —
белую-белую простынь расстелет...
Черные-черные скучные ночи...
Пресная-пресная серая жизнь...
Все пропади!
И кричу что есть мочи:
— Где ты, любимая?
Где ты? Вернись!

* * *

А я ни о чем не жалею...
Что было, того не вернуть:
ни той изумрудной аллеи,
ни чувств сокровенную суть.
Любили? Конечно, любили!
По-русски! Взахлеб! Не взаймы.
А то, что так быстро остыли, —
Весна виновата, не мы.
Она и бальзам, и наркотик...
Но, как говорят, *c'est la vie* —
душа в распашонке из плоти
сгорает в пожаре любви.

* * *

Желторотые ромашки —
юный дух седой земли.
На губах у нас закваска
хлеба, плоти и любви.
Горько! Горько!
Очень горько!
Повенчала — ей пустяк —
нас ромашковая зорька...
Не расстанемся никак.
Мы давно не желтороты.
Рассуждаю про себя:
«Что бы делал, если б кто-то,
А не я нашел тебя?»

Добрый, милый, старый город
одинаково мне дорог
в стужу и в жару.
Здесь мои и дед, и прадед
жизнь свою пытались ладить
на крутом юру.
Сгинул прадед на японской...
Дед в земле сибирской омской
свой обрел покой.
Бате выпала Вторая...
Мировая. Роковая.
Сталин. Спецконвой.
Мне хлебнуть пришлось Афгана.
Он, как ноющая рана,
в сердце до сих пор.
Сын в Чечню ушел мальчишкой...
Недочитанные книжки —
Богу ли в укор?
На юру в предновогодье
на завьюженных угодьях
окровавлен снег...
Так жестоко, без оглядки
шла война по тихой Вятке
весь двадцатый век.

